

З

72 Сестру звали Маргарета. Своей фамилии она не назвала. Фамилии не в обычаях ордена Святой Екатерины, объяснила она. Даже имя Маргарета она приняла в монашестве, отбросив свое мирское наречение вместе с прошлой жизнью. Лицо ее выплывало из темноты притвора, и только когда Люциуш, обернувшись, увидел, как гусар прищпорил лошадь и поскакал прочь (*сбежал*, подумал он позже), она открыла дверь шире и дернула винтовкой, приглашая его войти. Потом навалилась плечом на дверь. Люциуш стоял в полной темноте, пока она гремела затворами: поворачивала ключ в железном замке, вдвигала засов в гнездо. Он повернулся на звук, услышал, как она вставляет ключ в другой замок; раздался громкий щелчок сработавшего механизма. Потом, все так же покачивая оружием, она вывела его на сумеречный свет нефа.

Входя в храм Господень, Люциуш привык поднимать голову, чтобы оценить великолепие потолка, поэтому ему сперва показалось, что церковь в Лемновицах в точности такая же, как десятки других деревянных церквей, которые он видел западнее этих

мест, в Тартах, хотя эта церковь, с ее тяжелым куполом и крошечными окошками, намекала на более восточную обрядность. Ряд из шести деревянных колонн поддерживал потолок, с которого свисала пара позвякивающих цепей от канделябров. Вдалеке, в северном трансепте, светился фонарь. Остальное пространство утопало в темноте.

Посмотреть вниз его заставили звуки и запах. Низкий стон раздался откуда-то из мрака. Кашель, тяжелое дыхание. Кисловатый животный дух, какой идет от испорченного мяса. Он всмотрелся. Скамьи отсутствовали, на их месте валялись какие-то свернутые одеяла. И только уловив движение, он понял, что это люди.

Три ряда, по пятнадцать-двадцать свертков в каждом.

Но тут сестра Маргарета заперла наконец вторую дверь и оказалась возле него. Она спросила тихо:

— Можно мне сказать?

Люциуш кивнул, не в силах отвести взгляда от тел.

— Доктор Сокефалви, венгр, ваш предшественник, исчез два месяца назад при обстоятельствах, о которых пан доктор лейтенант, возможно, должен знать.

Люциуш резко повернулся к ней, пораженный этим обращением, в котором смешались польская уважительная форма и немецкий военный чин. Мгновение он изучал ее. Она была больше чем на голову ниже его, лицо ее было заключено в безупречно накрахмаленный апостольник, плотно прилегавший к щекам. Прозрачные глаза непонятного цвета, губы чуть раздвинуты, в них чувствовалось нетерпение

человека, который хочет говорить. Он прикинул, что она на год-два старше его. На груди у нее висела огромная цепь с ключом, словно крест, и она все еще не отложила винтовку.

Сестра, казалось, ждала его благословения.

— Да, продолжайте, — сказал он.

Тогда, осторожно отведя его в сторону, чтобы их не слышали лежавшие на полу солдаты, она начала свой рассказ:

— Сперва нас было семеро, пан доктор лейтенант: я, и сестра Мария, и Либуше, и Елизавета, и Клара, и два доктора — один, чье имя не стоит и называть, а другой — Сокефалви, бедный Сокефалви, его я простила. Мы тогда были просто полевым лазаретом — знаете, как говорят, “залатай и отправляй дальше”. Только в сентябре верховное командование оценило преимущество нашего местоположения здесь, в долине, и повысило нас до полкового госпиталя, и нам стали посылать раненых с поля боя, чтобы мы лечили их, пока нельзя будет эвакуировать их в тыл. У нас были рентгеновский аппарат и бактериологическая лаборатория, и с помощью молитвы, острых ножей и карболовой кислоты для дезинфекции ран мы могли оказывать помощь храбрым юношам, которые служили владыке помельче, земному царю. Три месяца мы лечили тех, кого настигла кара миной и саблей, гаубицей, экразитом, отравленной землей. Мы воскрешали людей, прошитых всеми пулями, что только есть в арсенале дьявола, тех, кого настиг взрыв, сабля казака, тех, кто потерял руки и ноги, уснув на морозе. Таково было наше блаженство, пан доктор, слезы радости выступают у меня на глазах, когда я думаю об этом. Даже когда у нас забрали рентгеновский аппарат и увезли в Тарнув, даже когда